

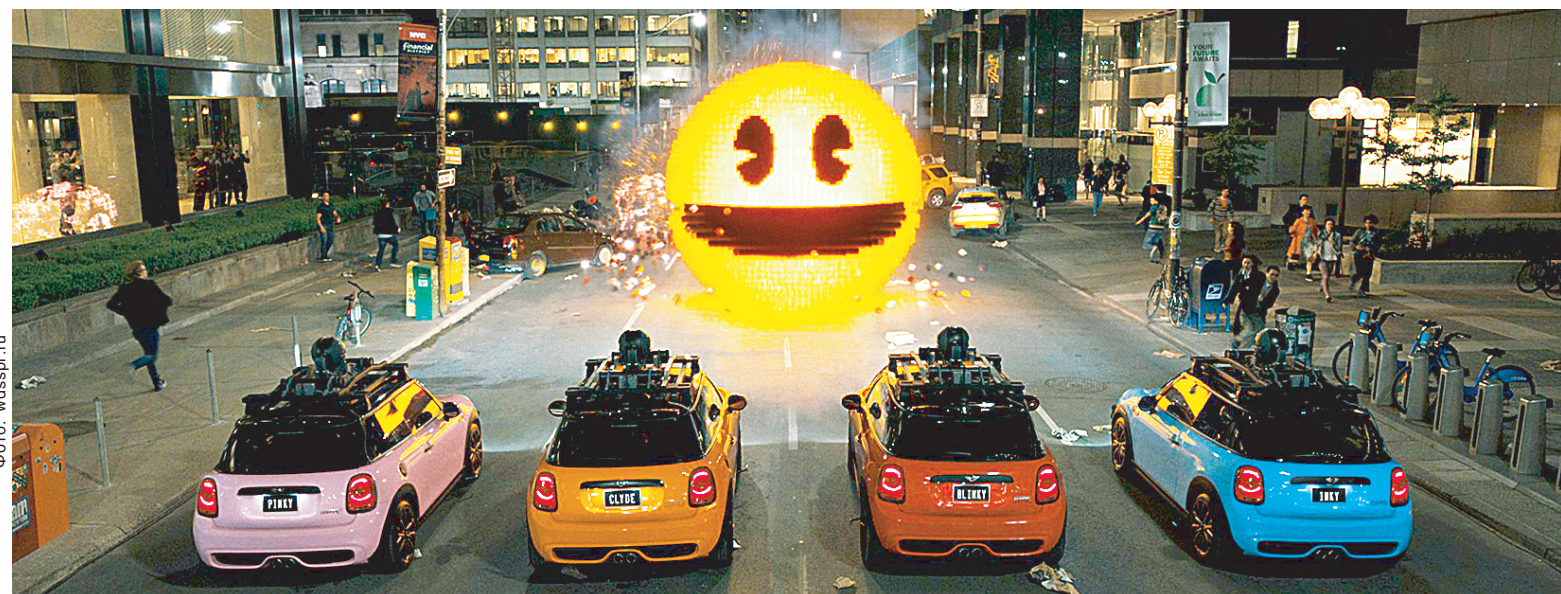

Даже престарелый геймер может найти себя в жизни и спасти мир.

КИНОЗАЛ

Получать удовольствие, увлеченно валяя дурака

В ПРОКАТ ВЫШЕЛ НОВЫЙ ФИЛЬМ КРИСА КОЛАМБУСА «ПИКСЕЛИ» — О СТАРИННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ И О ТОМ, ЧТО МИР ЗАХВАТИЛА ВОЛНА НОСТАЛЬГИИ

Гигантский колобок из «Пэк-мена» угрожает городам.

До нас аркадные игровые автоматы дошли только в девяностые (помню этот страшный ангар в Купчине, куда мы ездили в пятом и прожигали там рубли, выданные мамой на школьную столовую), а для американской культуры все началось еще в конце семидесятых. Все игры были тогда квадратненькие, пиксельные — но захватывали совершенно неотвратимо. «Пэк-мен», где желтый колобок поедает пиллолки и убегает от пришельцев; «Космические захватчики» — там приходится отстреливаться от пришельцев; «Данки-Конг», где нужно бороться с какой-то идиотской обезьяной... Сейчас принято считать, что эти реликты помнят только сумасшедшие инфантильные гики и фрики, которые вместо обустройства личной жизни собирают коллекцию трансформеров.

НА САМОМ деле мир захватила волна ностальгии. Дети 80-х и 90-х выросли и безумно захотели назад, в детство. В игровой индустрии вместо сверхреалистичных трехмерных блокбастеров стали популярны низкобюджетные пиксельные ностальгические стилизации «под старину». И как-то так внезапно оказалось, что имидж «кидалта» стал модным. Быть серьезным и скучным дяденькой в пиджаке — не в тренде. Неплохо быть не то чтобы прямо гиком, но носить кеды, ездить на велике и как бы невзначай помнить, на каком корабле летал Хан Соло в «Звездных войнах» и как пройти «Пэк-мена».

Режиссер Крис Коламбус уже в 80-е был легендой тогдашних школьников. Сценарист «Гремлинов», режиссер эпической саги «Один дома» навсегда пополнил на доску почета. Правда, потом, в 90-е и 2000-е, были менее удачные «Двухсотлетний человек», несколько частей «Гарри Поттера» и совсем уж маловнятный «Перси Джексон».

Теперь вот, кажется, и его разобрала ностальгия по юности. «Пиксели» — это фантастическая история как раз про компанию детишек, которые зависали в аркадных залах тридцать лет назад.

Конечно, ничего путного впоследствии из них не вышло. Один (его играет Адам Сэндлер) работает монтажником техники по вы-

зову, носит оранжевые форменные шорты и должен произносить чудовищно постыдный рекламный текст при встрече с клиентом. Другой (Джош Гэд) живет с бабушкой и занимается конспирологией. Не забудем и заносчивого карлика (это Питер Динклейдж, ставший кумиром гик-поколения после «Игры престолов»). Самый тупой ребенок, у которого даже в играх ничего не получалось, — ну, ему оставалось только сделать президентом (Кевин Джеймс).

Внезапно их умения все-таки становятся нужны. Оказывается, в 80-е в космос отправили «временную капсулу» с образцами земной культуры, в том числе и видеоиграми. Однако пришельцы, ознакомившись с содержанием, приняли это за объявление войны и теперь атакуют Землю, приняв облик персонажей тех самых видеоигр. Города поедает гигантский колобок из «Пэк-мена», те самые «захватчики», шутя, расстреливают эскадрилью истребителей, а Данки-Конг похищает людей. Все это настолько бредово, что «взрослая» логика и способы решать проблемы тут буксуют; помочь может только навык, приобретенный в детстве за игровым автоматом. Стало быть, все зависит только от пожилых игроков.

Критики Коламбуса за «Пиксели» ругают — мол, бесформенное и глупое киновысказывание. Сюжет примитивен и затянут, все герои ведут

Генеральный спонсор
ОАО «РЖД»

РЖД

КОРРЕСПОНДЕНТ «ВП»
ПОБЕСЕДОВАЛ
С САМЫМ ИЗВЕСТНЫМ
ОТЕЧЕСТВЕННЫМ
СОВРЕМЕННЫМ ПИСАТЕЛЕМ

Захару Прилепину исполнилось сорок. Много? Кажется, неожиданно мало. За спиной у этого человека громоздится как будто слишком большая жизнь, которая совсем не укладывается в эти сорок. Участие в двух войнах. Нижегородский ОМОН. Активная политическая деятельность. Четверо детей. Литература, литература, литература. Публицистика. Сейчас уже и музыка. И много-много чего еще. И сорок выглядят, да, крохотными. А еще — удивительно обнадеживающими, потому что так много еще впереди. Можно, конечно, в данном контексте поставить знак вопроса. Но, глядя на Прилепина, понимаешь, что это исключительно утверждение.

ОТЧИТЫВАТЬСЯ МНЕ
НЕ ПЕРЕД КЕМ

— Сорокалетие. Это много или мало? Главное уже позади или все только начинается, как вы считаете?

— Скорей всего, не имеет никакого значения то, что я считаю по этому поводу. До сих пор все было прекрасно. Более чем. Как поется в одной нашей песенке: «Я не хотел, но мне дали все, что хотел». Но нет никаких гарантий, что такая благодать продлится и впредь.

ИЗ ЭССЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА

«У нас отчего-то исчезло ощущение огромного — до и после нас — бытия. Зато у нас есть ощущение, что мы невиданные цветки, которые нужно держать в ладонях и ласково дуть им в темноту... или что там у цветов есть. Но земля, на которой мы живем, — она на тысячу лет вглубь пропитана человеческой кровью. На этой земле сто миллионов раз кто-то не пощадил и не пожалел себя. Ни мужик, поймавший грудью смерть, да не одну, а сразу дюжину смертей... ни баба, вскормившая грудью жизнь, да не одну, а дюжину жизней... И что, все эти люди до нас растрастили себя для того, чтоб на белый свет появились мы? Такие ранимые, такие нежные, такие никому ничего не должны, на которых сошел клином свет, и мы нежмимся в этом свете, в сладостной лениности, пропятавшей все наше существо...»

«Ленивым людям лень читать хорошие книги и лень писать их. Лень слушать хорошую музыку и тем более лень сочинять ее. Вообще лень различать хорошее и дурное. Еще им лень ломать и лень строить. Размножаться очень лень. Лень отвечать хоть за что-то всерьез. Долго еще можно перечислять. Зато не лень быть снисходительными ко всему и вся, неустанно ерничать, истекать желчью, презирать и ненавидеть...»

«Жалко, что не будет Украине никакого Евросоюза. Как было бы славно, если б Украина вернулась через год или там через три, сырая, босая, обескураженная, сзастуженными придатками, осатаневшая от случившегося с ней, — неожиданно вылезла бы на свой берег и как засадила российскому доброхоту (он так и стоит на берегу, машет платочком, всматривается в голубую даль) по зубам.

— Эй, ты чего? — спросил бы он. — Я же добра тебе хотел.

— А ничего, — ответила бы Украина и пошла дальше.

Чтоб обладать подобным опытом — надо его прожить. А то так и будут украинцы видеть сон, как плывут они вокруг света, а вокруг солнце, европейские ценности, чайки, демократия, и море не соленое, а сладкое. Дайте им досмотреть этот сон. Все равно ведь потом просыпаться...»

— Необходимо периодически подводить итоги прожитого, сделанного. Чего, по-вашему, наиболее важного вам удалось достичь? — Итоги подводят те, кому надо отчеты сдавать за данные ему поручения. А я все поручения дал себе сам, и отчитываться мне не перед кем.

— Пришлось ли вам столкнуться с кризисом среднего возраста?

— Не знаю что это такое. Несколько раз пытался задуматься, что это такое, ворошил себя, ничего не нашел. Наверное, надо еще подождать.

С ПЕТЕРБУРГА
НАЧАЛАСЬ МОЯ КАРЬЕРА

— Как часто бываете в нашем городе? Какие взаимоотношения у вас с городом на Неве?

— Бываю, когда зовут. Много раз бывал, десетки. Очень люблю! Один из самых любимых

СПРАВКА «ВП»

Захар Прилепин родился 7 июля 1975 года в селе Ильинка Рязанской области. Окончил филфак Нижегородского государственного университета. В качестве бойца ОМОНа принимал участие в обеих чеченских кампаниях. В 1996 году вступил в партию НБП. Первый его роман — «Патологии» — был написан о войне в Чечне. Второй — «Санька» — о нацбалах. Лауреат премии «Нацбест» за сборник рассказов «Грех» (2008). Победитель «Большой книги» за роман «Обитель» (2014). Литературный

критик Владимир Бондаренко назвал Прилепина «лучшим молодым писателем современной России». Режиссер Марк Захаров сказал, что «это выдающийся прозаик, вносящий свою, ни на что не похожую лепту в современную литературу». Произведения Захара переведены на 17 языков. Книги его включены в программу российских гуманитарных вузов. Женат, четверо детей. Постоянно проживает в деревне в Нижегородчине.

городов. Друзья тут живут к тому же. Но я его, так сказать, снаружи рассматриваю. Не скажу, что я чувствую себя здесь родным.

— Повлиял ли как-то Петербург на вас как на писателя?

— Едва ли. Я никогда в жизни не писал о Петербурге. Разве что в юности у меня было одно стихотворение про мою на тот момент любимую девушку Таню, которая переехала сюда учиться, и что-то там было... про каналы, сквозняки и все такое прочее... В Петербурге мне дали первый «Нацбест» — так что с Петербурга началась моя карьера. Это да.

— Меняется ли город, а также его жители с годами? И вообще — страна? Вы постоянно колесите по России: видите ли какие-то четкие, яркие изменения, произошедшие за последние годы?

— Ничего не скажу по этому поводу. Своего мнения у меня нет, а чужому доверять не стану в данном вопросе. Мои друзья не меняются. Мне нравится, что Питер более консервативен. Здесь, к примеру, нет такого обилия либерально-прогрес-

сивной публики, какое наблюдается в Москве. Ваши великолепные литераторы — разумные, образованные консерваторы: Павел Крусанов, Александр Секацкий, Сергей Носов, Татьяна Москвина — все они очень уважаемы мной. Не говоря про моих близких знакомых — Вадима Левенталя и Наталью Курчатову, к примеру. Или легендарных питерских нацболов — Андрея Дмитриева, Сергея Гребнева... Жена Павленко — покойный, погибший под Дебальцево... Это все, без обиняков, замечательные образцы русского человека. И в моем понимании тот Питер и те питерцы, с которыми я сталкивался, всегда демонстрировали высокую степень вмещаемости. В некотором смысле они шли на шаг впереди России. То, какой Россия становится сегодня, — такими в Питере были вчера.

КРЫМ — САМОЕ КРАСИВОЕ
МЕСТО НА ЗЕМЛЕ

— Есть ли любимые места в городе на Неве? И в стране?

— Нет любимых мест. Или, верней, их так много, что не рискну начать перечисление. В России... В России тем более. Нижний Новгород, где я живу. Рязанские и липецкие просторы. Река Воронеж — те места, где я провел детство. Керженские леса, где у меня дом. Только что был на Енисее — удивительные места! Но последнее удивление — конечно, Крым. Первый и последний раз я был в Крыму в августе 1991 года и уехал оттуда за день до распада Союза. Этим летом я туда вернулся. Поселился в Гурзуф, снял машину и три недели колесили по Крыму. Колоссально чувство причастности к истории родной страны, восторг и восхищение. Крым — самое красивое место на земле, точнее сказать: десятки, если не сотни самых красивых мест.

Отдельно на меня повлияли те места, которые я хотел найти и нашел. Скажем, памятный валун возле Дома писателей в Ялте, где было похоронено сердце поэта Владимира Луговского. На валуне была установлена мемориальная доска, но в годы независимости ее сворovali — и теперь там едва, с трудом различимая надпись: «Луговский». Мы приехали в Дом писателей, где жили, бывали, работали и Луговский, и Паустовский, и Вознесенский, и весь цвет литературы той эпохи, и Бродский тоже. На респешне стояла женщина, которая знать не знала, что здесь был Дом писателей. И про валун тем более. К счастью, мы нашли водителя — мужика в годах, который знал про все и валун нам показал...

Мы съездили на виллу Юлиана Семенова — меня там настигают почти те же самые чувства, что на вилле Эма под Гаваной. Ну и так далее — многое можно говорить и даже половину не перечислишь.

— День рождения был у вас 7 июля. Наши поздравления! А чего бы вы пожелали петербуржцам?

— Не думаю, что петербуржцам нужно что-то особенное. Нам всем нужна Родина — сильная и доброжелательная к нам, ее детям.

Подготовил Сергей ПРУДНИКОВ

Foto: Наталья Чижик

Интервью Джоша Гэда
читайте на сайте
vppress.ru